

III. ЭТНОГРАФИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Д-р ФРАНЦ БОАЗ

(Профессор Университета Колумбия в Нью-Йорке)

ЗАДАЧИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Помещая статью уважаемого друга Советского Союза, знаменитого американского антрополога и этнографа Франца Боаз, присланную им для нашего журнала и представляющую публичную речь его на годичном съезде Американской ассоциации для содействия науке, редакция дает место к замечаниям к статье проф. В. Г. Богораз-Тана, в течение многих лет тесно связанного с американской наукой. Сопоставляя замечания В. Г. Богораз-Тана со статьями Ф. Боаз, редакция отмечает, как глубоко различны условия, в которых живут и действуют ученые Советского Союза и представители зарубежной науки. Могучий пафос социалистического строительства в СССР, глубокое воздействие марксистско-ленинской методологии захватили уже и старые кадры наших специалистов, побудили многих из них пересмотреть прежний методологический багаж, переоценить свои старые работы, взглянуть иначе на высказывания тех или иных иностранных ученых. Глубокий кризис капиталистического мира подрезает и крылья науки. Если фашистская реакция в Германии воздвигает костры из книг ученых и писателей, то в Америке общая безысходность капиталистической цивилизации находит свое отражение в полном скептицизме, в отрицании исторической закономерности. Франц Боаз был мужественным противником империалистической войны и подвергался бойкоту американских научных кругов, охваченных в то время войной шовинизма. Франц Боаз — друг Советского Союза. Но мы, в свою очередь, предостерегаем его от того опасного пути, на котором он находится, вероятно, помимо своей воли. Разве отрицание исторической закономерности не ведет к историческому идеализму, к отказу от наследия классической эволюционной школы. Именно так и расценивает позицию американского эмпиризма кардинал Шмидт, призывая представителей американской этнографии в лоно культурно-исторической школы, над которой почит благословляющая рука Ватикана. Нет. Сокровища фактических материалов, собранные американскими учеными, требуют другого анализа, диктуют другой путь. Они требуют коренного изменения подхода, они подходят к уточнению взглядов столь забываемого и столь ненавистного реакционерам Моргана, они подводят к материалистическому взгляду на историю первобытного общества, взгляду, блестяще и глубоко обоснованному Фридрихом Энгельсом в „Происхождении семьи, частной собственности и государства“. Мы уверены, что Франц Боаз и многие его ученики и сторонники продумают эти мысли и откликнутся на них по-новому, смело и откровенно пересмотрев свою позицию. Автор сочинения „Ум первобытного человека“ не может закончить свой научный и жизненный путь в тупике эмпиризма и скепсиса, столь радостно приветствуемого католической школой этнологов. Если этнография призвана сыграть свою роль, как историческая наука, то место ее работников в лагере борцов за новое общество, за новую культуру, где трудящиеся всех национальностей смогут развивать свои богатые данные. Осуществить же столь высокую миссию этнографическая наука может только на путях сознательного и последовательного применения исторического материализма, охватывающего многообразные общественные явления несравнимо более всесторонним и глубоким пониманием, чем это кажется людям предубежденным или поверхностно и по наслышке знакомым с теорией марксизма.

Редакция

¹ Председательская речь на годичном съезде Американской ассоциации для содействия науке, Атлант Сити, декабрь 1932 г. (перевод В. Г. Богораз).

Антропологическая¹ наука выросла из разных источников. Еще в древнее время люди интересовались чужими областями и бытом обитавших там народов. Так Геродот рассказал грекам о том, что он видел в различных странах. Цезарь и Тацит писали об обычаях галлов и германцев. В средние века Марко Поло из Венеции и Ибн Батута из Аравии описывали чужеземные народы, обитавшие в Африке и на Дальнем Востоке. Позднее, путешествия Кука привлекли внимание всего мира. Из этих описаний постепенно выросло стремление определить общее значение разнообразных путей жизни чужих народов. В XVIII в. Руссо, Шиллер и Гердер из рассказов путешественников пытались связать картину истории всего человечества. Более подробные подходы того же характера относятся уже к середине XIX в., когда Клемм и Вайц составили свои обстоятельные труды.

Биологи направляли свое внимание на изучение разновидностей человеческого рода. Можно назвать Блюменбаха, Линнея и Кампера, как ранних исследователей этих значительных задач. В дальнейшем работы Дарвина об изменчивости видов придали новый размах изучению этих задач и были приняты всем ученым миром. Проблема происхождения человека и определения его места в животном царстве выдвинулась на первый план. Дарвин, Гексли и Геккель были главными научными работниками этого периода. В более позднее время внимательное изучение наследственности и мутации придавало новый характер вопросам происхождения расы и ее типичных особенностей.

Развитие психологии привело к постановке новых задач, связанных с разнообразием социальных и расовых групп человечества. Вопрос о духовных чертах человеческих рас, который в недавнее время обсуждался методами совершенно не научными, например, такими, которые вытекали из желания дать оправдание рабству, стал изучаться при помощи технических приемов экспериментальной психологии. Особенное внимание было посвящено изучению духовных свойств первобытного человека, а также вопросам духовной жизни патологического типа.

Методы сравнительной психологии не относятся только к человеку. Изучение животных пролило новый свет на вопросы о причинах человеческих действий. Возникло стремление создать и развить генетическую психологию.

После того социология, политическая экономия и другие политические науки, история и философия, стали заниматься изучением быта чужих народов для того, чтобы осветить таким образом наши современные социальные процессы.

При огромном разнообразии подходов к изучению расовых и культурных явлений, необходимо яснее определить те задачи, которые мы ставим себе в вопросах изучения человечества.

Может быть, лучше всего определить наши задачи, как стремление уяснить те этапы, по которым человек пришел к своему современному укладу в биологическом, психологическом и культурном отношениях.

Таким образом сразу становится ясно, что весь материал нашего изучения является по необходимости историческим материалом, конечно, историческим в самом широком значении слова. Наше изучение должно включать историю развития телесных форм человека, его физиологических отправления, его духа и культуры. Мы ищем познания хронологической последовательности форм человека и хотим уяснить условия, под действием которых они изменяются. При отсутствии таких данных невозможно движение вперед, и основной вопрос относится к собиранию таких данных в достаточных размерах.

Еще со времени Ламарка и Дарвина биология трудилась над разъяснением этих задач. Полное определение палеонтологического развития растительных и животных форм совершенно невозможно. Даже в самых лучших

¹ Английский термин „антропология“ включает также „этнографию“.

случаях остаются пробелы, которые не могут быть восполнены за отсутствием ряда промежуточных звеньев. В таких случаях возможно привлекать также и косвенные доказательства. Они основаны, отчасти, на сходствах, выявляемых морфологией и приводимых, как подтверждение генетического родства, отчасти, также на морфологических чертах, наблюдаемых в утробный период жизни, что, в свою очередь, может вести к допущению родства между такими формами, которые в дальнейшем, во взрослом виде, совершенно различны.

Необходима большая осторожность в применении доказательств, основанных на морфологическом сходстве, так как во многих случаях сходные формы развиваются в группах, не связанных родством. Таковы, например, сумчатые в Австралии, которые проявляют замечательный параллелизм с развитием более высоких форм млекопитающих. Сюда же относятся побелевшие разновидности животных Арктики и альпийских высот, которые появляются независимо друг от друга у многих родов и видов. Далее, светловолосость и другие ненормальности развития волосяного покрова у домашних животных, которые возникают и развиваются вне всякой связи с их генетическими отношениями.

Поскольку палеонтологическое описательное изучение остается неполным, нам остается единственный путь произвести реконструкцию истории животных и растений при помощи морфологии и эмбриологии.

Это одинаково относится к животным и к человеку и отсюда возникают настоятельные поиски более ранних человеческих и дочеловеческих форм. Останки питекантропа на о. Яве, синантропа в Китае, гейдельбергская челюсть и другие позднейшие находки, относящиеся к ледниковому периоду, представляются как новые ступени для продвижения вперед нашего знания о человеке. Необходимы дальнейшие работы полевого изучения с тем, чтобы снабдить нас новым материалом для тщательного морфологического истолкования. Материал, существующий в наличности, вплоть до настоящего времени, в высшей степени отрывочен. Вместе с тем необходимо указать, что во всех странах интерес к палеонтологии человека имеет большое напряжение, так что можно надеяться, что в дальнейшем палеонтологический материал будет значительно пополнен и даст возможность построения эволюционной истории человека.

Совершенно естественно, что по мере вырастания нашего знания об эволюционной истории высших млекопитающих, вперед выдвигаются некоторые пункты, которые в дальнейшем дадут направление полевым исследованиям. Так, например, на основании наших знаний о распределении обезьяньих пород, никто не станет искать человеческих предков в пределах Нового Света, хотя вопрос о том, когда именно имело место наиболее раннее переселение человека в Америку, до сих пор является одной из основных задач среди изысканий в области палеонтологии ледникового периода Америки.

Скелеты и кости, относящиеся к позднейшим периодам, являются более обильными. Все же остается трудность восстановить определенные отношения между костями ископаемых людей и современными человеческими расами, тем более, что многие наиболее типичные черты находятся именно в мягких частях человеческого тела, которые не могли сохраниться до настоящего времени. Далее, переходы от одной расы к другой так постепенны, что только наиболее крайние формы могут быть определены с некоторой точностью.

Отсутствие материалов, освещающих историю человеческих рас, приводило к тому, что в течение многих годов антропологи старались классифицировать расы, основываясь на разнообразных и неполных данных, и слишком часто результаты такой классификации были принимаемы как выражение генетического родства человеческих форм, между тем как они имели только описательное значение. Одни и те же числовые отношения головных показателей встречаются у самых различных рас и, таким образом, никак не могут служить

критерием для установления основных человеческих типов, хотя и представляют весьма ценные указания о развитии тех или других вариантов в пределах расовой группы. С другой стороны, волосы определенной формы и цвета представляют большое единство в пределах той или иной обширной группы человечества, а в других группах совсем не встречаются. Таким образом, форма волос, очевидно, представляет древнейшую наследственную расовую черту, в особенности, если она встречается в географической области, лишенной перерывов.

Задача антрополога состоит в том, чтобы изучить эти основные характерные черты и, вместе с тем, не забывать, что точные измерения лица и черепа отнюдь не дают представления об определенных расовых видах, но могут быть принимаемы, лишь как независимые и специальные изменения данного человеческого типа внутри больших расовых групп.

С этой точки зрения общий вопрос о параллельном развитии целых серий форм, не связанных родством, приобретает особое значение. У нас есть существенные доказательства того, что морфологическая форма подчинена окружающим влияниям, которые во многих случаях распространяются на формы, совершенно не связанные родством и имеют на них одинаковое воздействие. Даже самые отъявленные скептики должны допустить это в связи с изменением человеческого роста в различных условиях.

Изменения, связанные с изменением окружающих условий, совершаются на наших глазах. Таково изменение размеров и пропорций человеческого тела, но эти изменения не имеют наследственности и только выражают воздействие внешних условий на человеческую форму.

Есть, однако, один ряд изменений, который зависит от изменения внешних условий и в то же время является несомненно наследственным. Я имею в виду изменение телесной формы под влиянием одомашнивания.

Трудно указать, как возникли те или иные характерные черты, являются ли они пережитком отклонения той или иной формы от ее основного пути или произведены прямо путем одомашнивания, но они в одинаковой степени свойственны всем одомашненным животным. И так как человек тоже имеет такие измененные черты, то он является также одомашненным животным. Морфологические указания для этой цели были проработаны Евгением Фишером, Б. Клаттом и мною.

Разрешение проблемы происхождения человеческих рас должно быть основано не только на их классификации или на изучении развития параллельных форм. Следует также принять во внимание распределение рас, их раннее переселение и последовавшее смещение или изоляцию.

Если принять во внимание, что параллельные формы одного и того же типа встречаются в разных областях независимо друг от друга, то следует признать тем большую важность подробнейшего изучения всех этих вариантов и типов. Так, например, монгольские и европейские типы возникают независимо в областях, отделенных друг от друга огромными пространствами. Трудно поэтому говорить о таких явлениях, как о результатах расового смещения.

Биологические основы этого анализа, относящиеся к развитию того или другого человеческого типа, по необходимости являются в значительной степени умозрительными. Более точный научный метод требует изучения ранних передвижений человечества, точного знакомства с условиями, под влиянием которых расовые типы могли отбросить варианты и стать более определенными.

Разрешение этих проблем простирается дальше простого морфологического описания такой-то расы. Поскольку мы имеем дело с формами, определяемыми наследственностью, является необходимым основать изучение рас на их основных генетических линиях и на движении их вариаций. Раса не должна быть изучаема как единое целое, но как группа вариантов, которые меняются по генотипическим линиям под воздействием изменения условий.

При изучении расовых форм мы вообще слишком склонны приписывать важность той или иной расе в соответствии с числом ее представителей. Это, однако, ошибочно, ибо наибольшую важность представляет именно стабилизация этих морфологических типов, а не число представителей той или иной расы. Численность человеческих рас изменялась в историческое время несколько раз и с такими колебаниями, что и теперь совершенно ошибочно приписывать преобладающую важность белой расе или восточноазиатской расе только на том основании, что они переросли численно все другие расовые типы. Так же точно в описательной классификации местных типов каждой большой и значительной человеческой расы всегда чересчур выдвигаются вперед те или иные черты, которые являются типичными только для одного варианта расы, а не для всех остальных ее вариантов.

В виде примера приведу данное у Гексли разделение белой расы на основные варианты, не сходное по установкам с таким же делением других человеческих рас.

Важно изучить не только телесные формы рас, но также их телесные функции, физиологические и духовные. Проблемы, связанные с такими функциями, представляют особые трудности вследствие того, что функции приспособляются к внешним условиям, так что чрезвычайно трудно отличить те, которые зависят от биологических свойств человеческого тела от тех, которые зависят от внешних условий. Наблюдения, произведенные над большим числом людей различных местностей, могут быть объясняемы либо допущением определенной расовой наследственности, либо изменениями, возникающими под действием окружающих условий. Одного описания этих явлений совершенно недостаточно. Различия географических условий, социальной среды и культуры вызывают различия физиологических и духовных функций. Догматическое утверждение, что расовый тип исключительно влияет на эти различия, совершенно ложно. Научное исследование требует взвешивания всех разнообразных влияний.

Многие исследователи придавали слишком большое значение тому факту, что наследственная биологически определенная одаренность того или другого лица тесно связана с функциями его тела. Это, в особенности, верно для более исключительных случаев телесной дефективности или, напротив, значительной телесной одаренности. Однако, не следует распространять такую установку на целые народы или на значительные расовые группы, которые вмещают вообще большое разнообразие наследственных связей и отдельных личностей. Самая многочисленность телесных форм, включенных в каждой группе, делает возможным большое разнообразие их телесных функций. Наследственные характеристики выявляются по генетическим линиям, но целая народность, которую можно определить в данном случае техническим термином генотип, не представляет одну генетическую линию, и большое разнообразие генотипов в пределах данной расы не дает возможности применять результаты наблюдений, полученных по одной из наследственных линий, к целой народности. В данном случае различие основных линий должно соответствовать распределению различных генетических типов в пределах народности. Мне приходилось неоднократно высказываться по этому поводу. Поэтому я позволю себе перейти к другим сторонам вопроса.

Палеонтологические факты могут дать нам указания на общее развитие человеческих форм. Но они мало пригодны для изучения развития телесных функций. Некоторые указания можно извлечь из определения размеров и формы вместимости черепа, также из формы челюсти, ибо она связана с возможностью членораздельной речи. Другие данные можно основать на изучении прямоходящего положения тела, но самые физиологические процессы, имевшие место в далеком прошлом, не доступны наблюдению. Все заключения, сюда относящиеся, основаны только на косвенных соображениях.

Духовную жизнь человека можно изучать экспериментально только среди живых рас. Конечно, некоторые свойства этой жизни можно определить в связи с очевидными действиями прошлых поколений. Исторические данные позволяют нам изучать культуру минувших веков в некоторых местностях, например, в восточно-средиземных областях, в Индии, в Китае, на протяжении нескольких тысяч лет. Из этих данных можно получить некоторую довольно ограниченную сумму фактов, относящуюся к духовной жизни человека.

Мы можем отступить и дальше в прошлое и изучать более ранние остатки человеческой работы. Предметы, изготовленные человеком и относящиеся к таким отдаленным эпохам, как четвертичная, были найдены в значительном количестве; изучение их дает возможность определить до некоторой степени способности и свойства человека того времени.

Данные доисторической археологии показывают, что вместе с движением времени из периода в период, человеческая работа разветвляется в различных направлениях. От наиболее ранних периодов мы имеем только простейшие каменные орудия, но в дальнейшем встречаем растущую дифференциацию орудий, употребляемых человеком. Во время четвертичной эпохи было открыто употребление огня, произведена художественная работа большой эстетической ценности и созданы рисунки и изображения различных отраслей человеческой деятельности. С началом новейшего геологического периода возникает земледелие, и изделия труда принимают все более новые и разнообразные формы. В ранний период четвертичной эпохи мы не находим никаких изменений в течение тысячелетий, так что наблюдатель может предположить, что эти изделия в своем постоянстве зависят от врожденного инстинкта, как ячейки пчелиного улья, но, по мере приближения к современности, быстрота изменения растет. И уже в эпоху, довольно отдаленную, возможно установить, что навыки человеческой работы не зависят от инстинкта и представляют результат накопления коллективного опыта.

Многие исследователи допускали, что самая первобытность человеческих изделий ранних эпох указывает на органическую и духовную неразвитость.

Это умозаключение, однако, неприемлемо, так как мы находим и в новейшее время отдельные народности, живущие в условиях быта, совершенно похожих на весьма ранние эпохи. Изучение психической жизни людей ничуть не подтверждает того, что их индустриальная отсталость связана с низшими свойствами их организма. Ибо мы находим различные группы народов и рас, связанных тесным родством и находящихся на самых различных культурных уровнях. Это в особенности ясно для монгольской расы, где рядом с высокоцивилизованными китайцами помещаются весьма первобытные сибирские народности. Также в пределах американской группы высокоразвитые майя с п-ова Юкатан, ацтеки в Мексике, являются современниками весьма первобытных племен наших западных плоскогорий в САСШ. Очевидно, что исторические и доисторические данные не дают нам сведений, относящихся к биологическому развитию человеческого духа.

О том, как неосновательно выводить биологические предпосылки культуры из ее фактического состояния в ту или иную эпоху, можно заключить, хотя бы из сравнения различных суждений о природных способностях рас, которые были высказаны в ту или другую историческую эпоху. Когда Египет был в расцвете, северная Европа существовала в первобытных условиях, подобных культуре американских индейцев или африканских негров.

Однако, северная Европа нашего времени далеко обогнала те самые народы, которые в более раннюю эпоху были передовыми вождями всего человечества. Если стараться найти биологические причины таких изменений, придется составлять многочисленные гипотезы об изменениях биологической природы этих народов, гипотезы мало вероятные, совершенно искусственного содержания. Легче и вернее подойти к разрешению этих проблем путем при-

менения экспериментальной психологии, которая стремится установить психо-физические и также умственные характеристики различных рас. Так же, как и в вопросах биологического исследования, и здесь будет необходимо изучать не народности в целом, а генотипические линии, потому что в каждой народной массе сплетены вместе весьма многие разнообразные генотипические группы.

Однако, и в данном случае большое затруднение вытекает из того, что результаты психо-физических или умственных испытаний зависят от качества того индивида, который является объектом испытания. Качество его в общем определяется, однако, культурной средой, в которой он живет.

Я полагаю, что никак невозможно устранить влияния этого в высшей степени важного элемента, и тот результат испытаний, который мы получаем, представляет соединенное воздействие культурных влияний и данных телесных свойств. В этом отношении я совершенно согласен с теми психологами, которые принимают, что в деле изучения большей части духовных явлений мы знаем только нашу собственную европейскую психологию.

В тех немногих случаях, где воздействие культуры на духовные свойства населения подвергалось действительному исследованию, всегда оказывалось, что культура представляет фактор гораздо более важный, чем телесные свойства. Я повторяю, что при изучении личностей можно установить тесное соотношение между духовными способностями и телесными свойствами. Но такое соотношение проявляется весьма слабо в масштабе целой народности. Ввиду этого необходимо обосновать исследование духовной жизни человека на изучении происхождения и истории культурных форм и на взаимоотношениях индивидуальной духовной жизни и человеческой культуры.

Это изучение является основной задачей истории культуры. И можно сказать с уверенностью, что результаты анализа огромных материалов, накопленных в течение последнего пятидесятилетия, ничуть не подтверждают мысли о тесном соотношении между биологическими типами и формой культуры.

Точно так же, как и в области биологии, наши основные подходы к изучению культур должны исходить из исторических данных. И если мы не знаем, каким образом развилась культура каждой группы человечества, мы не можем ожидать удачных умозаключений по отношению к общим условиям истории культуры. Материал, необходимый для построения биологической истории человечества, выявляется отрывочно и скудно вследствие случайности находок и полного исчезновения их мягких, легко разрушаемых частей. Материал для построения культуры еще более отрывочен потому, что наиболее важные и крупные отрасли культуры совсем не оставляют следов в почвенных слоях; язык, социальная организация, религия, короче все то, что не имеет непосредственно материальной формы, исчезает вместе с жизнью каждого поколения. Исторические данные относятся только к самым недавним периодам культурной жизни и они связаны только лишь с теми народами, которые владели искусством письма и чьи записи мы в состоянии прочесть.

Помимо того, эти сведения тоже недостаточны, потому что многие виды даже сравнительно поздней культуры не находят отражения в письменности. Какой, однако, следует сделать из этого вывод? Действительно ли необходимо отказаться от дальнейших изучений и признать эту задачу вполне неразрешимой?

Однако, в биологии мы дополняем отрывочные палеонтологические факты данными, заимствованными из сравнительной анатомии и эмбриологии. Быть может, такой же образ действий поможет нам распутать некоторые нити истории культуры.

Есть, однако, существенное различие между биологическими и культурными данными, которое не позволяет переносить методы одной науки в другую. Зоологические формы развиваются по расходящимся путям. И скрещивание видов,

которое раньше играло важную роль, во всей дальнейшей истории развития является ничтожным. В области культуры дело обстоит как раз наоборот. Человеческие идеи, стремления, учреждения легко распространяются от одной социальной единицы к другой. Как только две группы вступают в тесное общение, их культурные черты быстро распространяются от одной формы к другой и соединяются вместе.

Конечно, существуют динамические влияния, которые придают одинаковые формы некоторым элементам морфологии социальных объединений. Все же мы можем ожидать, что эти элементы будут переслоены другими элементами, которые не имеют органического отношения к динамике глубоких изменений.

В связи с этим построение истории культуры легче построения истории биологической. Тем не менее, самые серьезные препятствия встречаются на пути разыскания основных динамических условий социальных перемен. Прежде, чем решиться на проведение морфологических сравнений, нужно всецело исключить элементы инородные, которые возникают благодаря распространению и заимствованию культурных элементов.

Если данные свойства культуры распространены внутри определенной области и дальше не идут, можно смело допустить, что их распределение зависит от диффузных влияний. В некоторых случаях можно определить даже направление этой диффузии. Если культивируемый маис действительно происходит от мексиканского дикого вида и его культура распространена по большей части территории обеих Америк, и Южной и Северной, мы должны заключить, что культура маиса распространилась действительно из Мексики к северу и к югу. Если предки африканского домашнего скота не могут быть найдены в Африке, то надо заключить, что они приведены туда из других областей. Конечно, в большинстве случаев невозможно с уверенностью определить направление диффузии. Совершенно ошибочно думать, что та или другая культурная черта происходит из той области, где она получила наибольшее развитие. Христианство не зародилось в Европе или в Америке. Обработка железа тоже не возникла первоначально в Америке или в северной Европе. Это справедливо также и для более ранних эпох. Мы можем с уверенностью допустить, что употребление молока первоначально возникло не в Африке, а возделывание пшеницы не родилось в Европе.

В связи с этим совершенно невозможно обосновать хронологию развития тех или иных культур на подмеченных явлениях диффузии. В некоторых случаях можно, конечно, заключить, уже на основании всемирного распространения данного культурного явления, о его большой древности. Это в особенности справедливо для тех случаев, где можно подтвердить археологическими данными его раннее распространение. Так, мы знаем, что огонь стал известен человеку уже в раннюю четвертичную эпоху. В эту эпоху человечество уже было широко распространено на поверхности земли, и мы можем сделать заключение о том, что употребление огня шло вместе с новыми миграциями человеческих групп, или о том, что огонь быстро переходил от племени к племени и скоро стал достоянием всего человечества. Нам знакомы также и другие идеи и изобретения, которые распространялись с невероятной быстротой на огромных территориях. Таково, например, распространение культуры табака по всей Африке тотчас же после того, как табак появился на западном берегу.

Попытки установить хронологическое построение в более узком масштабе еще более шатки. Из того или иного культурного центра, в котором развились комплексные формы культур, их отдельные элементы могут распространяться в различных направлениях и переходить к соседним народам.

Рядом с этим более комплексные формы могут развиваться бок о бок на старой малорасчлененной базе. Трудно определить, какое именно из этих предположений является более точным.

Однако, не взирая на все эти трудности, изучение географического распространения культурных явлений представляет возможность установить их диффузию. Важнейшим результатом всех этих исследований было установление теснейших взаимоотношений различных народов во всех областях земного шара. Африка, Европа и большая часть Азии представляются нам как культурное целое, в пределах которого одну область нельзя отделить от остальных. Америка является как другой культурный центр, однако, Старый Свет и Новый Свет не представляют полной независимости от взаимного влияния, ибо были найдены древние линии связи, соединявшие северо-восточную Азию и северо-западную Америку. Точно так же, как и в биологических исследованиях проблема параллельного независимого развития гомологичных форм затемняет линию их генетического родства, то же самое имеет место в изучении культур. Если возможно, что сходные анатомические формы развиваются независимо по генетически раздельным линиям, то еще более вероятно, что сходные культурные формы тоже развиваются независимо. Можно вообще допустить, что в высшей степени трудно найти несомненные доказательства независимого происхождения того или иного культурного факта. Однако, одновременное появление отдельных культурных явлений в весьма отдаленных областях затрудняет допущение того, что они передавались от племени к племени и в одно и то же время сохранились в отдаленных взаимно краях, но исчезли во всех промежуточных областях. Общеизвестный факт, что в пределах нашей цивилизации развитие научных идей ведет к независимым и одновременным открытиям. Точно так же первобытная социальная жизнь содержит элементы, которые ведут к развитию сходных форм во многих областях земли. Так, например, зависимость ребенка от матери делает необходимым хотя бы временное различие в образе жизни обоих полов и делает женщину вообще менее подвижной, чем мужчину. Долговременная зависимость детей от родителей тоже кладет неизбежную печать на различие социальных форм. Каково будет значение этих влияний, зависит от окружающих условий. Однако, их основная причина тождественна во всех случаях.

Число индивидов в пределах той же социальной единицы, необходимость или нежелательность общественного действия для того, чтобы получить необходимую пищу, порождает динамические условия, имеющие большую активность и представляющие зародыши, из которых могут развиваться сходные культурные явления.

Помимо того, существуют отдельные случаи одновременного появления идей или практических изобретений в пределах стран, весьма отдаленных друг от друга и в прошлом исторически не связанных. Например, вилка для мяса была в употреблении на островах Фиджи и вместе с тем сравнительно недавно появилась в Европе; копьеметатель в виде ремня, обвитого спиралью по древку, был в употреблении в древнем Риме и также на островах Адмиралтейства. В других случаях большой промежуток времени между появлением в разных странах одного и того же культурного явления делает неправдоподобным всякое предположение о заимствовании. Таково, например, появление домашних животных в Перу вне всякой связи с домашними животными Старого Света, появление бронзы в Перу и на Юкатане, а также применение цифры „0“ в письменном счислении на Юкатане.

Некоторые антропологи принимают, что если значительный ряд культурных явлений совпадает в областях, весьма отдаленных друг от друга, следует все же допустить существование какого-то культурного ядра, хотя бы весьма древнего, которое сохранилось несмотря на всю последующую смену культурных явлений.

Однако, для того, чтобы принять такую общность культурного источника, надо допустить, что указанные явления остались в основном неизменными не только в течение последних тысячелетий, но также в течение всего пред-

существующего периода, когда странствующие племена передвигались из Азии в крайнюю южную область Южной Америки. Несмотря на большую устойчивость культурных явлений, нельзя доказать, что эта устойчивость имела такие размеры. Первобытная культура вообще кажется нам устойчивой только вследствие отсутствия исторической перспективы. Первобытная культура меняется, конечно, медленнее, чем наша современная цивилизация. Но группы археологических находок свидетельствуют об определенных изменениях, происходивших в пространстве и во времени. Внимательное изучение этих древнейших предметов культуры указывает, что те элементы, которые казались почти абсолютно постоянными, на деле претерпевают определенные изменения. Многие подробности, конечно, сохраняются в течение долгого времени, но общий культурный комплекс меняет свой характер, когда мы переходим от эпохи к эпохе. Мы видим, например, что земледельческие народы становятся охотничьими, другие, напротив, от охоты переходят к земледелию. Народы, имевшие тотемную организацию, отступают от нее, а другие народы, напротив того, заимствуют ее от соседей.

Поэтому, нельзя принимать, что все аналогичные культурные явления имеют между собой историческую связь. Необходимо в каждом данном случае искать доказательств исторической связи, тем более точных, чем меньше есть данных о ранних сношениях или о более поздней связи. Пытаясь восстановить историю современных рас, мы вместе с тем пытаемся установить ранние формы, предшествующие формам новейшим. Такую же попытку надобно сделать в отношении культуры. В некоторой степени эта попытка была удачна. История изобретений, история знаний показывают нам постоянное возрастание объема изобретений вместе с течением эпох, а также постоянное возрастание эмпирического знания. На этой основе мы могли бы стремиться определить единую линию развития культуры, как это вообще принималось антропологами в последние годы минувшего века.

Более полное знание современной эпохи указывает на неточность такого допущения. Культуры различаются между собой как зоологические виды или роды, и общая основа потеряна вполне безвозвратно. Если исключить технику и науку, о которых говорилось выше, то будет почти невозможно свести развитие культур в одну непрерывную линию.

В одних случаях мы находим простые социальные организации, связанные с простою техникой и несовершенным знанием. В других случаях, напротив того, социальная организация представляет большую сложность. Практическая этика как будто не допускает никакого порядка развития, если исключить элементы возрастающего понимания общественных потребностей. Можно установить, что те или другие социальные условия несовместимы друг с другом. Охотничий народ, где каждая семья требует значительной площади для того, чтобы обеспечить необходимое добывание пищи, не может составить значительных групп, хотя он может иметь очень сложные правила заключения брака. Хозяйственная жизнь, сопряженная с постоянными поисками за охотничьей добычей в условиях пешей ходьбы, очевидно несовместима с развитием значительных объемов личной собственности. Добывание пищи из сезона в сезон требует совсем иного образа жизни, чем правильное непрерывное снабжение.

Самостоятельное появление культурных явлений в различных областях является одним из важнейших предметов антропологического исследования, и новые материалы для решения этого вопроса должны получаться в порядке изучения существующих обществ.

В данном случае мы должны рассматривать культуру во всех этих проявлениях как единое целое, между тем как при изучении диффузии и параллельного развития культурных явлений предметом исследования является чаще всего характер и распределение той или иной культурной черты. Технические изобретения, экономическая жизнь, социальная структура, религия, искусство,

этика—все эти явления тесно связаны друг с другом. Основной вопрос состоит в том, насколько они зависят от окружающих условий, от биологического характера данной народности, от психологических свойств, от исторических событий или от общих законов распространения культуры.

Вполне очевидно, что в данном случае дело идет о совершенно другой проблеме. Возьмем, например, вопрос о происхождении и применении человеческих языков. Даже наиболее полное знание истории развития языков ничуть нам не помогает понять, какое влияние оказывает язык на наше мышление. То же самое относится к другим формам жизни. Динамические воздействия культурных условий не зависят от их истории, хотя эти явления являются результатом исторического развития. Исторические данные приносят возможность проводить изучение дальше частичного опыта одного и того же поколения. Однако, психологическую проблему нужно изучать не в историческом разрезе, а в современном обществе живых людей.

С другой стороны, ошибочно предполагать, как делают некоторые антропологи, что ввиду этого историческое изучение непригодно. Обе стороны нашей проблемы требуют одинаковой степени внимания, ибо мы желаем определить не только динамику существующих обществ, но также их происхождение и развитие.

Для правильного понимания исторических процессов, знакомство с современными процессами жизни не менее необходимо, чем знание биологических процессов для понимания развития биологических форм.

Динамика существующих обществ представляет для современной исторической науки один из наиболее спорных предметов изучения. Эту динамику можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, в порядке взаимодействия элементов культурного развития, а также взаимодействия культуры и естественных условий, а во-вторых, в порядке взаимной связи личности и общества.

Биологи настаивают на определенной связи между условиями телесной жизни и культурой. Мы видели, однако, что такое взаимодействие опирается на доводы, не выдерживающих серьезной критики. Можно, например, еще раз остановиться на различии между расами и личностями. Наследственное свойство тех или других личностей имеет решительное влияние на их психическое поведение. С другой стороны, каждая раса содержит множество личностей с совершенно различной наследственностью, так что в конце концов различия между расами, если оттуда исключить элементы, определяемые историей, являются вообще неустойчивыми и даже незначительными. Можно вообще усомниться, что нам удастся установить такие различия помимо прямого воздействия элементов исторических.

Географы стараются вывести все формы человеческой культуры из того географического окружения, в котором живет человек. На деле, хотя это окружение имеет свою важность, у нас нет никаких доказательств, относящихся к творческой силе окружающих условий. Мы знаем, что каждая культура находится под сильным влиянием своего окружения, что одни элементы культуры не могут развиваться в данной неблагоприятной географической среде, а другие, напротив, развиваются в ней чрезвычайно успешно. Достаточно обратить внимание на основные различия культур, которые развиваются одна за другой в той же самой географической среде, чтобы понять ограниченное действие этих географических влияний. Австралийские туземцы жили и живут в той же самой географической среде, в которой живут также их белые преемники. Природа и естественные свойства Австралии остаются неизменными во все время человеческой истории, но на этой почве возникали и сменялись совершенно различные культуры. Географическое окружение, конечно, влияет на каждую существующую культуру, и весьма поучительно изучить это влияние в целом и в подробностях. Географы критического склада, как, например, Гетнер, понимали это ясно.

Экономисты полагают, что экономические условия определяют культурные формы. Экономический детерминизм возникает в противовес географическому детерминизму. Несомненно, что взаимоотношения между экономическими факторами и другими элементами культуры значительнее и важнее, чем такое же взаимоотношение между географической средой и культурой. Мы, однако, считаем невозможным объяснять все стороны культурной жизни влиянием экономического фактора. Мы не видим, каким образом художественный стиль, определенный обряд или специальная форма религиозного верования могут возникнуть исключительно на базе экономических влияний. Напротив, мы видим, что экономика и другие элементы культуры влияют друг на друга то как причина и следствие, то как следствие и причина.

Каждая попытка вывести происхождение культурных форм из единого ряда причин, всегда обречена на неудачу, ибо различные культурные явления тесно переплетаются вместе, и ни одно из них не может измениться без воздействия также на все другие элементы. Культура по существу интегральна. Конечно, степень ее интегральности не всегда остается на том же уровне. Некоторые культуры мы могли бы определить в простых терминах, например, назвать нашу новейшую культуру индивидуалистическо-механической; культуру какого-нибудь меланезийского острова могли бы определить как индивидуальное состояние взаимного недоверия; культуру равнинных индейцев Северной Америки как постоянное состояние междоусобицы. Эти определения, конечно, не вполне точны, ибо они выдвигают вперед только одну или несколько важнейших особенностей. Однако, они имеют вполне определенное значение.

Интеграция культуры далеко не всегда исключает все противоречивые элементы. Мы чаще находим в недрах той же самой культуры любопытные прорывы в действиях тех или других личностей, а порою, с изменением окружающих условий, в поступках одного и того же лица.

Отсутствие необходимых соотношений между различными элементами культуры можно иллюстрировать примером культурной значимости астрономического изучения небесных тел у вавилонян, майя и у европейцев в течение средних веков. В то время, как для нас существенную важность имеет соотношение астрономических наблюдений с физическими и химическими явлениями, для них существенный момент лежал в их астрологическом значении, т. е. в их отношении к судьбе человека. Это вытекало, конечно, из общих исторических условий культуры тех времен.

Эти краткие замечания ведут к установлению сложности явлений, подлежащих нашему изучению, и естественно спросить, можно ли получить какие-нибудь обобщенные заключения, применимые ко всем эпохам и временам, и таким образом свести этнографические данные к формуле, применимой ко всем случаям объяснения прошлого и предсказания будущего человеческой культуры.

По моему мнению, совершенно безнадежно стремиться к таким обобщениям. Культурные явления, подлежащие нашему изучению, настолько индивидуализированы, настолько подчинены влиянию внешних условий, что никакие законы и формулы не могли бы их объяснить. Впрочем и другие науки, связанные с действительным миром, имеют такой же характер. Каждый индивидуальный случай допускает установку его отношений к внешним и внутренним силам, но мы не можем объяснить его индивидуальности в виде установленной формулы. Астроном сводит движение звезд к определенным законам, но из предыдущих данных о сочетании созвездий в другие эпохи он не может вывести их современных взаимных положений. Биолог может знать все законы онтогенеза, но он не может объяснить при их посредстве те случайные формы, которые принял тот или другой отдельный вид, а еще менее те формы, которые приняла отдельная особь.

Законы психологические и законы биологические имеют различный характер в связи с различной сложностью предметов, подлежащих их изучению. Биологические законы относятся только к биологическим формам, так же как геологические законы относятся к формам геологических формаций. Чем сложнее данный круг явлений, тем специальнее те законы, которые можно вывести из их изучения.

Культурные явления имеют такую сложность, что мне кажется весьма сомнительным и неосуществимым стремление внести сюда твердые законы развития. Причинные соотношения культурных явлений зависят от взаимодействия личностей и общества, и никакая классификация человеческих обществ не может помочь разрешить эту проблему. Морфологическая классификация человеческих обществ вызывает и ставит различные задачи изучения. Но она их не решает. Каждый отдельный случай может быть сведен к тому же источнику, т. е. к взаимодействию личностей и общества.

Конечно, очень важные взаимоотношения можно установить между различными общими элементами культурной жизни. Таково, например, взаимоотношение между густотой населения и его общим количеством, с одной стороны, и промысленными занятиями, с другой стороны. Или по иной линии и точно так же связаны между собой изоляция небольшой группы, ее тесная солидарность, ее консерватизм. Эти элементы представляют статические свойства культурных фактов. Динамические процессы тоже можно указать, как, например, стремление обычаев менять свою значимость соответственно изменениям культур. Но истинное значение всех этих комплексов можно понять только углубленным анализом всех человеческих элементов, входящих в данный комплекс. Короче говоря, этнографические материалы требуют по существу исторического изучения. Такое изучение стремится скорее объяснить индивидуальное сплетение явлений, чем установить общие законы, которые, принимая во внимание сложность материала, явятся по необходимости или неясными или, напротив того, такими очевидными, что они не окажут действительной помощи реальному пониманию явлений. Много раз возникали попытки создать генетическую форму, основанную на позднейших определениях терминов, заимствованных из нашей собственной цивилизации, или, напротив того, построенных на аналогии с формами нам известными, или, наконец, на противоположности и контрасте с этими общими формами. Такие идеи и явления, как война, вера в бессмертие, брачные обычаи, рассматривались как нечто единое и из распределения соответственных форм выводились общие заключения. Нужно, однако, признать, что приведение всех этих форм в категорию явлений, нам близко знакомых на основе нашего собственного культурного опыта, ничуть не доказывает исторического или социологического единства элементов данного явления. Варианты идей бессмертия так фундаментально различаются между собою по объему и значимости, что их, конечно, нельзя рассматривать как единое целое, и таким образом выводить какие-нибудь заключения, относящиеся к ним, без самого подробного анализа.

Критическое исследование, напротив, показывает, что формы мышления и действия, которые мы склонны рассматривать как вытекающие из общих свойств человеческой природы, напротив того, являются характерными только для нашей специальной культуры. Если бы это было неверно, то мы не могли бы понять, почему известные элементы духовной жизни, характерные для Старого Света, отсутствуют всецело или почти всецело у туземцев Америки. Таково, например, различие основных форм судебного процесса в Африке и в Америке, существенное значение клятвы и судебных испытаний в пределах Старого Света и полное их отсутствие в Новом Свете.

Проблемы отношений личности к окружающей ее культуре, к обществу, в котором она живет, до сих пор изучаются слишком мало. Обобщенные этнографические данные, которые относятся к образу действий, типичному для большинства, не дают никаких указаний относительно воздействия личности

на культуру общества или, напротив того, о воздействии этой культуры на личность. В этом, однако, мог бы лежать источник правильного истолкования человеческого образа действий. Было бы тщетно искать социологические законы, не обращая внимания на элементы социальной психологии, т. е. на воздействие между личностью и культурой. В данном случае можно вывести только общие формулы и наполнить их содержанием жизни можно только, принимая в расчет индивидуальный образ действий личности в культурном окружении. Общество включает множество личностей, различных по своим духовным свойствам, отчасти на основе своей биологической организации, отчасти под воздействием специальных общественных условий, при которых они развиваются. Тем не менее, многие личности действуют сходно, в весьма многочисленных случаях мы можем установить определенное воздействие культуры на общий характер поступков множества личностей, имеющих одинаковые духовные свойства. Отклонения от типов приводят к исключительному образу действий, и хотя они бросают поучительный свет на железное влияние культуры, на среднюю личность, они являются скорее элементами для изучения психологии личности, чем психологии общественной.

Если мы постараемся понять общее значение различных чуждых нам культур в этом отношении, мы сможем также разобрать, как много различных линий поведения в нашей собственной среде, которые кажутся нам основанными на общих свойствах человеческой культуры, на деле, напротив того, являются только выражениями нашей собственной культуры, подлежащими изменению с изменением окружающих условий.

Наша задача состоит в том, чтобы открыть среди разнообразных вариантов человеческих поступков линии, общие всему человечеству. Путем изучения общих элементов и разнообразия человеческих культур, этнография может помочь нам найти направление для дальнейшего движения человечества.

Перевод В. Г. Богораза.

В. Г. БОГОРАЗ-ТАН

ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ ФРАНЦА БОАЗА

Мой старый друг Ф. Боаз одинаково является этнографом, антропологом, лингвистом. При своих огромных знаниях он старается быть осторожным в суждениях.

Однако, по общему направлению, он относится к группе эмпириков, возглавляющих американскую этнографию. Все же, в отличие от Кларка Висслера, он ограничивает значение диффузии, т. е. распространение того или другого культурного элемента на больших территориях. Точно так же он далек от теории культурных кругов в его северо-американском варианте.

Он является крайним скептиком, который отклоняет от себя проведение общих законов, относящихся к развитию человеческих культур. Однако, и этот крайний скептицизм Боаз типичен вообще для всех американских этнографов. Молодой американский научный работник тов. Эммануил Гоник, бывший ученик проф. Кребера в Калифорнии и ныне работающий в СССР, свидетельствует о том, что эта безотрадная постановка этнографической работы приводит молодых начинающих ученых к полному унынию и рождает в них сознание бесплодности всей их научной работы. Он рассказывает, что однажды на семинарском коллоквиум один из студентов в ответ на вопрос проф. Кребера, для чего мы собираем и печатаем все эти монографии о различных народностях, дал такой ответ: „Может быть они пригодятся кому-нибудь в далеком будущем“.

Тов. Гоник сообщает далее, что часть молодых ученых восстает против этой бессистемной работы с ее безотрадными выводами. Он говорит, что